

Денис Соболев

ВОЛЧЬЯ НОЧЬ

сборник рассказов

Денис Соболев

Волчья ночь. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Соболев Д.

Волчья ночь. Сборник рассказов / Д. Соболев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968412-7

От автора: В этом сборнике вы найдете разные истории. Все они о нас с вами. Живых, настоящих, способных на Поступки, любящих и мечтающих. Каждый найдет что-то свое, что откликнется в душе, заставит подумать. Книгу можно и нужно читать детям. Приятного чтения!

ISBN 978-5-44-968412-7

© Соболев Д.
© Издательские решения

Содержание

Щука-утятница	6
Таежный хозяин	14
Борзый	22
Дождь	25
Связной	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Волчья ночь

Сборник рассказов

Денис Соболев

Фотограф Закир Умаров

© Денис Соболев, 2019

© Закир Умаров, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-8412-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Щука-утятница

– Ба, можно я на сеновале сегодня поночую? – я торопливо хлебал любимый щавелевый суп вприкуску с хлебом из настоящей русской печи, густо намазанным дедовой горчицей и посыпанным крупной солью. Торопливо потому, что мы с мальчишками собрались на речку, на вечернюю зорьку, а сейчас все разбежались по домам, обедать. Горчица была такой ядреной, что на глазах после каждого укуса выступали слезы, а на лбу испарина.

– Еще чего удумал, чем тебе на перине плохо? – бабушка вытерла о передник натруженные руки и уселась напротив, чуть потеснив молчаливо хлебавшего суп деда.

– Ну ба, ну это же здорово, на сеновале! Там пахнет так и вообще...

– Знаю я твое «и вообще». Опять пацанва набезит, будете полуношничать – ворчала бабуля больше для порядка, добрые глаза улыбались.

– Пусть ночует – прогудел дед, и пока бабуля не видела, хитро мне подмигнул.

Бабушка поднялась, махнула на нас рукой:

– Что старый, что малый...

Быстро расправившись с супом, я приподнял край укрывавшего большую миску рушника, схватил несколько пирожков и рванул к выходу, услышав вслед:

– Вот же охламон, а! Дед, ну ты глянь на него!

Что там ответил дед, я уже не слушал. Схватив стоявшие в сенях удочки, железный плетеный садок и банку с червями, я выскочил за ворота и помчался вниз по улице, к речке. Босые ступни то выбивали горячую тонкую пыль из дороги, то путались пальцами в короткой мягкой травке. Я мчался как ветер и вот-вот готов был взлететь, рубаха на спине надулась пузырем, уже свалившееся с полудня солнце светило прямо в глаза, уличанские псы лениво побрехивали мне вслед – жара загнала их под самые стены, и им было мало дела до мчащегося мимо них мальчишки. Тем более что всех деревенских псы хорошо знали и особенно не обижали...

На речке, на большом Бабьем плесе еще никого не было, и я радостно помчался занимать самое-самое уловистое место, в густо растущих по берегу камышах. Туда вела натоптанная тропинка, которая ближе к воде стала влажной, ноги мягко пружинили, позволяя подойти к воде абсолютно бесшумно. Вот и заветное местечко. Заботливыми руками кто-то вытоптал небольшой пяточок, выдрал широкий прогал в камышах и воткнул в дно недалеко от берега ивовые рогатки. Здесь же лежало небольшое бревнышко, отполированное до блеска штанами рыбачивших здесь мужиков и мальчишек. Над головой раскинула шелестящие листвой ветви старая ива, давая прохладный тенок. В траве за спиной стрекотали кузнечики, одуряющее пахло травами и клубникой. На другом берегу, на обширном притаежном лугу паслось деревенское стадо. Коровы изредка мычали и брякали боталами, а деревенский пастух Федька крутился меж них на своем злющем жеребце, изредка покрикивая. Под ногами его жеребца крутились два здоровенных пса. Мне думалось, что они и сами, без Федьки, могли бы пасти стадо – очень уж они умные и грозные. Без них никак, прямо за лугом начинается тайга, и медведи – нередкие гости в деревне, да и волчьи следы дед видел недавно...

Банку с червями я устроил поближе к воде, в тени камышей, где попрохладнее. Быстро размотал бамбуковые удочки, а их у меня две. Длинные, метра по три каждая, были они легкими и прочными. Поплавки из гусиных перьев, мы с дедом их бабушкиным лаком для ногтей покрасили, за что чуть не были биты. Дефицитная японская леска и отливающие синевой клинские крючки, грузики из выплавленного самолично свинца – снасть была надежной. Глубина в этом месте была почти два метра, а дальше и вовсе начиналась бездонная яма. Местные мальчишки по-началу рассказывали нам страшилки про водяного и про огромную рыбину, которая хватает деревенских гусей, но мы не особо верили. Однако купаться предпочитали все же чуть ниже, на выходе из плеса. Там и глубина поменьше, да и выход из воды удобный...

Для первого заброса я выбрал самого-самого червя. Он извивался и никак не хотел попадать на крючок. Такой сам рыбу схватит и на берег потащит! Заброс и быстро наживлять вторую удочку, поглядывая на поплавок – не качнется ли, не утонет? Вот и второй поплавок застыл на зеркальной глади плеса. Тишина, ни ветерка. Коровы постепенно приближались к плесу – выше по течению брод, а им скоро домой, время вечерней дойки близится. Комары звенят над камышом, то и дело прилипают к шее или рукам. Никуда не денешься, такая плата за рыбалку. Дед хоть курит и разгоняет кровопийц дымом ядерного самосада, а мне только терпеть. Как-то мы с мальчишками попробовали того самосаду... Как положено, завернули из газеты козью ногу, спрятались за сараем... Первая же затяжка согнула меня пополам в рвущем горло кашле – и как дед его курит?!

Правый поплавок качнулся легонько, пуская круги по воде... еще раз... Сердце мое затрепыхалось в груди, рука дернулась к удочке... вот сейчас... ну... Поплавок вдруг лег на воду и устремился вбок. Подсечка! Есть! На конце лески затрепыхалась рыба, заходила кругами, упираясь и явно не собираясь на берег. Врешь, не уйдешь. Короткая борьба, и карась чуть больше ладошки заплясал на берегу, блестя бронзовыми боками. Меня охватило ликование! Есть, я первый!

За спиной раздался шелест, а сразу за ним разочарованное:

– Нууу, уже занято...

Это Генка, самый главный деревенский заводила. Если где что случилось, то сначала все на Генку думают. Раз он умудрился овчарню подпалить, другой раз в колодец свалился и едва не утонул. Прозвище у него Генка Суицид, так его метко старшаки прозвали. Дед мой ему сказал однажды:

– Ты, Генка, своей смертью не помрешь, это точно. Тебя или коровы забодают, или мухи заедят.

Трава зашуршала снова, и Генка скатился вниз, оказавшись прямо у меня за спиной. Увидев карася, он совсем расстроился и побрел дальше по берегу. Там есть еще такой же прогал, но клюет там хуже. А я забросил удочку, запустил карася в садок и вновь уставился на поплавок. Солнце постепенно снижалось, на берег примчались и остальные мальчишки, принялись устраиваться кто где. Комары под вечер совсем озверели и ели нещадно. Стадо, надсадно мыча, принялось перебираться на наш берег, взбаламутив воду. Вот сейчас самый клев начнется. И точно, правый поплавок заскакал вдруг, а потом резко нырнул под воду. Подсечка... ух ты! Кто-то тяжелый, удочка гнется и даже похрустывает немного. Карасище, да какой! С тяжелым шлепотком тяну его к берегу... Вот он на берегу, выгибается и хлопает хвостом по земле. Вот это да! Я таких никогда не ловил. Справа послышался завистливый Генкин вздох. Трясушимися руками я подхватил карася, опустил его в садок... Второй поплавок просто утонул, медленно скрылся под водой. Хватаю удочку, подсекаю... есть! Еще один большой карась запрыгал в траве.

Генка не выдержал, пришел посмотреть. Присел над ним на корточки, погладил бронзовый бок...

– А тут здоровенная щука живет, знаешь? Никто ее поймать не может.

Я махнул рукой – брехня, мол. Слышал я эту историю не раз, но только и дел, что слышал. Деда пытал не раз:

– Деда, а правда, что в омуте щука живет, которая гусей ест?

Дед хитро прищурился:

– Так таки и гусей? А собак не ест случаем?

– Про собак не знаю, но про гусей все говорят...

– Не бывает таких шук, чтоб гусей ели.

Я разочарованно вздохнул – мечталось мне, чтоб была такая щука. И чтоб мне её поймать.

– А вот утку – запросто – дед положил мне на плечо свою широченную ладонь. – Да только вот какое дело... Такую щуку поймать это как подвиг совершить, не каждому дано... И снасти у нас такой нету...

– А какая снасть нужна, деда?

– Блесна нужна, большая, леска плетеная и крючки к ней тройные. Крепкие, каленые... Я вздохнул. Такой снасти и правда нет...

...Генка обиделся и молча ушел, и вскоре послышался его радостный возглас – он тоже кого-то поймал. Рыба поклевывала, и в моем садке уже ворочались несколько рыбин. Мальчишки тоже таскали карасей и окуней, но героем дня стал Генка – он поймал линя! Большого, почти по локоть, бронзового линя! Его поимка для всех деревенских мальчишек была мечтой. Второй после щуки-утятницы. Но ее поймать никто и не надеялся, а вот линя... И Генка только что стал счастливым обладателем Мечты!

Я достал пирожки и принялся уплетать их за обе щеки. Бабулины пирожки с капустой и с ливером я мог есть в огромных количествах. Генка, почуяв запах съестного, тут же появился рядом. Я и на него взял...

...Солнце уже коснулось острых вершин елок на другом берегу, все вокруг затихло, слышно было, как хозяйки звенят в деревне подойниками, мычат коровы и брехают собаки. В тайге заголосила кукушка. Красота... И вдруг в самой середине плеса гулко плеснула рыбина. Огромная рыбина! Волна, поднятая ее выходом, закачала поплавки. Мы все разом загомонили:

– Видал?!

– Утятница!

– Точно щука!

– Вот это да!

Нескоро успокоились возбужденные обсуждения, а Генка, подойдя ко мне, сказал:

– А ты не верил, Фомааа...

И сказать мне было нечего. Разве только...

– Я ее поймаю.

Генка хмыкнул недоверчиво и пошел собираться – начало темнеть, пора было домой...

Я шел вверх по улице, неся тяжелый садок, в котором трепыхались два десятка карасей, и все бы хорошо, но... меня не отпускала мысль о щуке. Ведь она огромная! Я должен, просто обязан ее поймать.

Бабушка всплеснула руками, увидев мой улов, а дед посмотрел задумчиво:

– Молодца, внук, хорошо отловился.

– Деда, деда, я щуку видел! Ту самую!

– Прямо видел? – дед улыбался.

– Она кааак хлопнула хвостиком по воде, даже поплавки закачало! А звук был, кукушка в тайге поперхнулась...

Бабуля нажарила карасей и запекла их в сметане, и ничего вкуснее тех карасей я не ел. За ужином дед сказал бабуле:

– Я в город завтра поеду, что купить?

Ответить бабуля не успела, я влез вперед:

– Крючки и леску!

Дед нахмурился – нехорошо вперед старших лезть, и я вернулся к карасям...

Перед сном дед по обыкновению курил на крыльце, провожая день и поглядывая в усыпанное крупными сочными звездами небо. Я вышел, присел рядом.

– Деда...

– Привезу – дед улыбнулся – и поводок еще.

– Поводок?

– У щуки зубы что твоя бритва, любую леску махом перехватит. А поводок не перехватит, он из струны, железный...

...Душистое мягкое сено пахло так одуряющее, что кружилась голова. Ночевка на сеновале – что могло быть лучше? Где-то внизу тихо шуршала мышь, за стенкой хрумкала жвачкой Зорька, наша корова. Я лежал, провалившись в сено, и смотрел в потолок, где на балке висели веники и пучки запашистых трав. Я не мог уснуть. Перед глазами раз за разом вставали расходящиеся по воде круги от удара огромного хвоста. Как ловить? Удочку мою она сломает сразу, это понятно. Связать вместе две удочки? Вырезать из тальника? Я так и не придумал, что делать – уснул.

Весь следующий день я не находил себе места. Утром налетела гроза, расквасив дороги и отменив рыбалку. После обеда мы с мальчишками пошли в лес, который раскинулся за деревней. Туда мы ходить не боялись, медведей там точно нет, а уж волков тем более. Зато грибов – тьма. В сосняке и белые грибы, и маслята с моховиками, а в березовых колках под еле заметными кочками прятались крепкие запашистые грузди. Лес стоял за небольшим холмом, и по пути мы немало времени потеряли на заросших ароматной клубникой склонах. Но все же добрались до леса и разошлись в поисках грибов. Голые ноги чесались от травы, комары не давали покоя своим нудным писком и жгучими укусами. Грибов набрал много, разных, но думал все равно только о щуке и считал минуты до возвращения деда.

...Мы с бабулей перебирали и чистили грибы, когда за воротами раздался звук мотора дедова «Москвича». Я вскочил и рванул открывать ворота – дождался наконец!

Умывшись с дороги и пообедав, дед, видя мое невозможное нетерпение, усмехнулся и протянул мне небольшой сверток. Я развернул его дрожащими руками...

Огромные тройники, пластиковая катушка с намотанной на нее плетеной леской, и большая, в мою ладонь блестящая изогнутая медная блесна с насеченными с одной стороны чешуйками! Ух ты! Дед с доброй усмешкой смотрел на мои горящие глаза.

– Деда, а как ловить? Она мои удочки сразу поломает...

– А нам удочка и не нужна – дед хитро смотрел на меня из-под косматых бровей.

– Нам? Ты со мной? – счастьем моему не было предела.

– Нам. А то она и тебя съест, как ту утку.

– А когда? – я подпрыгивал от нетерпения.

– Ты сначала снасть собери, рыбачок – дед усмехнулся. – Вот как ты, к примеру, тройник к блесне крепить станешь?

Я уставился на снасть, пытаюсь разгадать дедову загадку.

– Не гадай. Колечки нужны, заводные – он разжал ладонь, на которой лежали несколько небольших колечек из стальной проволоки. – Снаряжай пока – поднялся и ушел в дом...

Рассказывать о том, как я бился над тем, чтобы приспособить кольца к блесне, я не стану. Это было сложно, но я справился. Оставались еще и тройники, но, изрядно исколов пальцы, я сделал и это. Показал деду.

– Молодец. Теперь надо бы поводок к леске привязать, и тогда пойдем на реку.

...Солнце зацепилось краем за верхушку елки и никак не хотело уходить. Мы с дедом шли по улице вниз, и я победно поглядывал по сторонам – с дедом иду! На рыбалку! Генка, увидев нас, тут же пристал с расспросами:

– А вы куда?

– На рыбалку – я чуть не прыгал от радости.

– На ночь?! – Генкиному удивлению не было предела. – А кого ловить?... Погоди! – глаза его вспыхнули – Вы за щукой?! А можно с вами? Ну пожалуйста!

– Если мамка разрешит, пошли – дед не замедлил шаг.

– Я щас! Я быстро! – Генка ринулся домой, чуть не затоптав по пути курицу, заполошно метнувшуюся под забор.

Дед улыбнулся...

Генка догнал нас у самой реки. Что уж он там наговорил, я не знаю, но он шагал рядом:

– А где удочка? А как мы ее ловить будем?

Я пожал плечами – я ведь тоже не знал. Следом за дедом мы спустились к самой воде, где дном кверху лежала большая деревянная лодка. Помогли деду ее перевернуть и спустить на воду, устроились на скамье. Дед оттолкнул лодку от берега, уселся на корме и привязал леску к торчащему шпеньку. Повернулся к нам, подмигнул:

– Берите весла, вам ее ловить, вам и грести.

Мы не сговариваясь подхватили весла и опустили их в воду.

– Вниз по реке давайте, до конца плеса.

Сказано – сделано. Мы с Генкой старались грести влад, чтобы лодка не вертелась. Добрались до конца плеса, и дед скомандовал:

– Разворачивайте, вверх пойдем.

Сам же взял в руки леску недалеко от блесны, раскрутил над головой и забросил далеко в воду.

– А теперь гребите, ребятки. Не жалеючи гребите...

И мы гребли! Мы старались, но течение не давало нам разогнаться. Дед держал леску в руках, следя за тем, чтобы она была внатяг, мы потели на веслах. На реку опустилась настоящая ночь, и от этого дух захватывало особенно сильно! Ночью на реке! Тишина, слышен только плеск весел и иногда скрип коростеля откуда-то. Небо раскинуло над нами звездный полог, стало прохладно. Комарье, увидев такую знатную добычу, вилось над нами тучами. Спасал только дедов самосад и наш бесконечный оптимизм. Поначалу волнение зашкаливало, но скоро монотонная работа веслами взяла свое – всех мыслей было только о том, чтобы сделать еще один гребок...

Внезапно дед дернулся, резко взмахнул рукой и тут же принялся быстро выбирать леску, которая скручивалась у его ног.

– Деда, что там? Деда?! – мы с Генкой тут же бросили весла, и нас начало сносить вниз.

– Гребите! – рявкнул дед и заработал руками еще быстрее.

За кормой забултыхало, раздался характерный шлепоток – щука! Но не та самая, это точно. Мы схватили весла и принялись грести с удвоенной силой. Взмах дедовой руки, и на дне лодки запрыгала щука. Была она немаленькой, деду примерно до локтя, но это все не то. Мы с Генкой разочарованно протянули:

– Какая маленькаааая...

– Маленькая? – дед рассмеялся. – Это не маленькая, это хорошая щука. Пара кило в ней точно есть.

Он ловко подхватил ее под жабры и принялся высвободить блесну, разжав рыбине зубы припасенной палочкой. Щука смотрела на нас черными злыми глазами, и от этого взгляда становилось как-то неуютно. Наконец высвободив блесну, дед снова забросил ее в воду. Глухо булькнув далеко за кормой, блесна канула в черную воду. И вновь потянулось томительное ожидание и тяжелая работа. Дед сказал:

– А ну давайте я вас поменяю. Надевай – он протянул мне верхонку. – Держи леску. Почувствуешь удар – резко подсекай, сильно. Понял?

– Я часто-часто закивал головой, надевая верхонку и принимая леску. Дед греб мощно, ровно. Генка с открытым ртом смотрел то на меня, то на леску в моих руках. Над лесом поднялась луна, и дорожка света задрожала на воде. Я ощущал всем нутром, как блесна играет под веодой, привлекая ту самую щуку. Резкий удар! Я дернул рукой и ощутил сильное сопротивление на том конце лески.

– Деда, поймал! – голос мой сорвался на тонкий сип.

– Так тяни, раз поймал – дед не переставал грести.

Я принялся быстро выбирать леску, стараясь делать все как дед. Щука забилась, леска пошла по кругу, в сторону камышей...

– Не пускай, запутает!

Я уперся ногами в корму и заработал с удвоенной силой. Щука чуть меньше первой запрыгала на дне, собирая на себя леску.

– Молодец! – дед подмигнул мне и сказал уже Генке:

– Помогай давай. Держи ее крепче. Сейчас блесну тащить станем. Дед сложил весла и взялся вытаскивать блесну, попутно объясняя:

– Зубы у нее очень острые, пальцы вмиг распустит. На-ка – он протянул Генке палочку. – Вставляй ей в рот и разжимай зубы.

Генка сопел, пытаясь справиться с порученным делом:

– Ух какая силища у нее! А если ТА попадет? Что ж с ней делать-то?

Наконец, блесну освободили.

– Бросай – дед смотрел на меня. – Постарайся, чтобы вся леска вылетела.

Я привстал, раскрутил блесну над головой и бросил, стараясь зашвырнуть ее как можно дальше. И чуть не все не испортил – блесна упала у самых камышей. Оглянулся на деда растерянно. Но тот сказал:

– Нормально, в самый раз. Щука любит под камышом стоять. Держи давай...

Дед успел только пару раз опустить весла в воду, как могучий рывок едва не вырвал леску из рук. Я изо всех сил рванул леску на себя, и под камышом тяжело бултыхнуло, а потом в неверном лунном свете я увидел огромный белесый щучий живот! Та самая щука (а это точно была она) крутнулась колесом и ушла в глубину.

– Деда, утятница! – я не знал что делать.

– Держи крепко! Генка, помогай держать. Смотрите пальцы не обрежьте! – дед направил лодку к берегу, работая веслами с невообразимой скоростью.

Генка вцепился в меня как клещ, силясь удержать, а я держал леску. Щука не билась, она просто давила вниз. Шнур вдруг пошел по кругу – щука неотвратимо шла к середине плеса, на глубину.

– Деда, она на глубину тянет!

– Держи, сейчас – нос лодки ткнулся в берег. Дед выскочил в воду, затолкнул лодку подальше на берег, подхватил меня и поставил на берег. Сам запрыгнул следом, встал за моей спиной, обхватил меня рукой за пояс и сказал негромко:

– Ну, теперь тяни.

Я изо всех сил потянул шнур на себя, пытаясь стронуть рыбину с места. Генка выбрался из лодки и стоял рядом, не зная что делать.

– Генка, в лодке еще верхонка есть, давай! – глаза деда горели нешуточным азартом. Генка опрометью метнулся к лодке, зашарил в поисках верхонки. Минута, и он уже рядом, вручил рукавицу деду. Тот натянул ее на мою вторую руку:

– Вот так надежнее будет.

И началась борьба. Щучища никак не желала двигаться с места, я сопел и упирался ногами в скользкий берег, дед держал меня за пояс, а Генка метался вокруг:

– Вот это да! Щука! Как же?! – он не замолкал ни на минуту.

Дед на мгновение отпустил мой пояс, и меня окатила волна леденящего страха. А ну как дернет? Я ж сразу в реку улечу!

Дед спешно стянул через голову майку, протянул Генке:

– Наматывай на руку, помогать станешь.

Вдвоем дело пошло. Щука нехотя пошла к берегу.

– Тяни, тяни – приговаривал дед, напряженно глядя в воду.

И мы тянули, стараясь изо всех сил. Вдруг на самой границе видимости появилось бревно. Откуда оно здесь? Вот только что ничего не было, и...

– Ох и здорова мать – дед присвистнул, и только тут я понял, что это не бревно. Это щука!

Дед прихватил леску руками, помогая нам. Щука вдруг изогнулась, вновь показывая белесый живот, и гулко ударила хвостом по воде, рванувшись в глубину! Мы с Генкой даже подались к воде, но дед был начеку:

– Держи ее! Крепко держи. Сейчас мы ее...

Щука ворочалась и никак не хотела идти к берегу, но силы ее не бесконечны. Вот она вновь всплыла, уже гораздо ближе к берегу, и лениво шевелила огромными, не меньше дедовой ладони, плавниками.

– Тяните – свистящим шепотом сказал дед и шагнул к самой воде, присел, вытянув вперед руку.

Потянули, и щука пошла к берегу. Пошла!

От напряжения ныли плечи, в горле пересохло, дыхание сбилось, колени дрожат...

– Не спешите, помалу давайте – дед не отрываясь следил за щукой.

Вот рыбина уткнулась носом в берег. Дед рывком схватил ее за жабры, но она рванулась в сторону, и дед рухнул в воду, а щука вновь устремилась на глубину. Ну нет! Теперь мы тебя точно не отпустим!

Мы с Генкой уперлись пятками в землю:

– Какая она огромная! – сдавленно просипел Генка.

– Ага – мой голос звучал не лучше.

Дед не спешил выбираться из воды, он взялся за лесу, потянул. Разворачивая рыбу головой к берегу:

– Иди сюда, красавица, не упирайся – он приговаривал как будто бы про себя. И щука вновь пошла к нам. Улучив удобный момент, дед подхватил ее поперек туловища сразу за головой, схватил за жабры и с хеканьем выбросил ее на берег!

Щука была огромной. Исполинской. Невероятной! Она тяжело ворочалась на берегу, собирая на себя мелкий сор. Мы с Генкой повалились на росную траву, глядя не в силах поверить на гигантскую рыбину. Мы ее поймали! Дед выбрался из реки, сел с нами рядом, тяжело дыша:

– Вот она, ваша утятница. Попалась. Теперь вы рыбаки!

– Деда, но это ж ты ее поймал...

– Я? – изумлению деда не было предела. – Ну нет, это ваша добыча. Ты блесну забросил, вместе вы ее держали и вываживали, а я только на берег выкинул, велика хитрость.

Мы с Генкой переглянулись и заорали что-то восторженное. Щука смотрела на нас своими черными глазами, заставляя сердце холодеть от значительности свершенного.

Пасть щуки была такой, что в нее точно спокойно могла пролезть не только утка, но и гусь, точно. В длину она была почти как лодка (ну или мне так показалось?), огромный малиновый хвост был шире весла! Пойманные до этого щуки рядом с ней казались мальками...

Немного еще посидев, дед выломал в кустах прочный сук, продел его под жабры и сказал нам:

– Пошли домой, рыбаки.

Мы с Генкой с двух сторон подхватили палку, рывком подняли рыбину и пошли в горку. Хвост утятницы волочился за нами, оставляя в росной траве серебриющийся в лунном свете след. Тяжеленная рыба дернулась, и мы попадали. Дед усмехнулся:

– Ваша добыча – вам и нести...

Как мы дошли до дома, я теперь уже и не знаю. Сил не осталось вовсе. Но на предложение деда передать рыбу ему только упрямо дернули головами.

Бабушка, увидев наш улов, всплеснула руками:

– Да как же вы ее одолели? Как смогли? Ой-ой-ой...

Мы упали во дворе, тяжело дыша и глядя в ночное небо. Счастье, безграничное, бесконечное счастье затопило меня с головой. Попалась!

– Генк, а помнишь, я говорил, что поймаю?

– Помню – Генка, как и я, дышал словно загнанная лошадь.

– Поймал ведь. Мы поймали!

– Урааааа! – наш с ним громкий крик пролетел над ночной деревней, заставив соседских псов залиться лаем.

– Тише вы, оглашенные! Всю деревню поднимете – бабушка хоть и строжилась, а глаза ее смеялись...

Нужно ли говорить, что утром мы стали героями? Вся деревня пришла посмотреть на гигантскую рыбину. Дед подвесил ее под навесом, и хвост ее касался земли. В ее утробе мы нашли щуку побольше первой пойманной. Генке досталась порция щучьего мяса – честно заслужил. Котлеты из той щуки показались мне самыми вкусными в жизни, а засушенная голова до сих пор висит над дверью, напоминая мне о той удивительной рыбалке...

Таежный хозяин

...Громко тикают на стене старинные часы. Красивые, резные, с гирьками в виде сосновых шишек на цепочках и потускневшим от времени золотистым циферблатом. Стрелки, вычурные, рельефные, показывают три часа. Раннее-раннее утро, скорее даже ночь. За окном его небольшой уютной кухоньки темно, хоть глаз коли. На плитке ворчит, закипая, старый пузатый чайник – давний собеседник.

Несуетно достает из настенного шкафчика засушенные по лету травки да черный байховый чай – он только такой и пьет. Душистый, пахнущий летней тайгой, он отменно вкусен с земляничным вареньем. Землянику он сам летом в сосновом бору собирал, отбиваясь от ошалевших от жары комаров. А когда-то он с ней вместе по ягоды ходил. Но вот уже пару лет как один живет, бирюк бирюком...

Чайник закипел, забренчал крышкой.

– Иду, иду, чего ты расшумелся...

Снял его с плитки, залил уже заложенные в заварник травы, сыпанул щедрую жменю чая и щепотку сахара – так чай лучше взопреет, наберет вкус и цвет. Отодвинул занавеску, бросил взгляд на небо – не светлеет ли? Нет, рано еще. Все дела переделал, к выходу все подготовил, и извечное охотничье нетерпение гнало его вперед, в тайгу. Наполненную запахами подступающей осени и перестоявших грибов, летящими на ветру паутинками и звонким цоканьем вечно сердитых белок...

Он всю жизнь в тайге, с самого раннего детства. Дед его был егерем, и и брал его с собой в тайгу на все лето. А потом он вырос и сам стал егерем. Вопрос о том, где работать после армии, для него не стоял. Он с детства знал, что будет егерем, как дед. Будет так же охранять тайгу и зверей, ходить по звериным тропам. Тайга была ему привычна и понятна как собственный небольшой домишко, поставленный еще прадедом в небольшой деревеньке у отрогов Саян.

В армии он как таежник и хороший стрелок попал в разведку. Учебка, потом служба в пограничной части в Приамурье, где он впервые узнал, что бывает зверь страшнее медведя. И имя ему – тигр. Огромные коты внушали ему почтение своей невероятной силой и умением прятаться в самых непригодных для этого местах. За всю службу он лишь дважды видел тигров, зато слышал их и находил следы постоянно. Низкий утробный рык и громкое мауканье вызвали невольное желание схватиться за автомат или укрыться в бытовке – столько мощи и угрозы в них было. Он как таежник прекрасно понимал, что противопоставить тигру не может ничего, кроме огнестрельного оружия. Но ему было очень жалко этих красивых зверей, и он в глубине души желал никогда не встретиться с тигром на узкой таежной тропе. Вернувшись в родные Саяны, Матвей сразу же устроился егерем на участок деда. И потекли беспокойные годы жизни в тайге.

Однажды он целые сутки носился по тайге, разыскивая попавших в западню тетеревов. После оттепели ударил крепкий морозец, и закопавшиеся на ночевку в сугробы птицы не смогли утром пробить толстую корку наста. Глухари с их невероятной силой в такие ловушки не попадали – хороший глухарь ударом крыла мог убить лису. А вот тетерева не могли выбраться самостоятельно, и гибли.

В другую зиму, когда сначала навалило небывалое количество снега, а потом установились лютые морозы, он на санях завозил в тайгу соль и сено, подкармливал косуль и лосей. Они не могли самостоятельно добраться до еды, из-за глубоко снега оставаясь на местах.

А уж сколько раз он спасал из попавших в промоины на реке косуль, и сосчитать невозможно.

Но и сам охотился, не без того. В тайге без охоты никак. Он никогда не стрелял без нужды и не бил зверя не в сезон. Сам не бил и другим не давал, за что был люто нелюбим разного рода начальством, любившим прибыть в тайгу на охоту. Приехать на зимовье, попариться в баньке да пострелять. Вне зависимости от сезона и наличия путевок. Таких он со своего участка гнал в шею. Его сто раз грозились уволить, да все как-то...

...Дед Матвей. Седой, как лунь, невысокий и крепкий, с удивительно большими руками. Ладони широкие, как совковая лопата, натруженные. Говорит мало, с хитрецей поглядывая на собеседника не по-стариковскими ясными ярко-синими глазами. Когда я впервые его увидел, он колот дрова. На звон топора я и вышел, в первый раз попав в эти места и побродив пару дней по тайге. В простой нательной рубахе и широких шароварах, заправленных в кирзовые сапоги, дед Матвей легко взмахивал топором и резко опускал его на стоящую на колоде чурку. Та с хрустом разваливалась на две части, разлетавшиеся в стороны. Я вышел на полянку перед зимовьем, сопровождаемый выскочившей мне навстречу лайкой. Она услышала меня задолго до того, как я увидел зимовье. Да я и не скрывался особо – шел привычно. Пес встретил меня, обнюхал и пошагал рядом, легко и пружинисто, как будто вот-вот сорвется в бег. Так и вышли к зимовью в паре. Пес сразу устремился к хозяину, повернувшись ко мне и державшему топор в опущенной руке.

– Здравствуйте, – я поздоровался приветливо, подходя ближе и протягивая руку.

Дед коротким взмахом воткнул топор в колоду и шагнул навстречу, протягивая руку в ответ:

– И тебе не хворать, – и улыбнулся широко, белозубо.

Рукопожатие у него было крепким, моя ладонь в его руке потерялась, как будто в валенок руку сунул.

– Дед Матвей, – отрекомендовался он и выжидательно глянул на меня.

– Денис, – я не остался в долгу.

Он кивнул, как будто соглашаясь, и пошел в зимовье.

Я же скинул рюкзак, повесил ружье на вбитый в бревенчатую стену клин, присел, вытянув вперед натруженные ноги. Потом подумал немного да и разулся, с блаженством пошевелив в воздухе пальцами. Портянки расстелил на лежащем неподалеку бревне – пусть просохнут.

Огляделся. Зимовье небольшое, приземистое, но какое-то... аккуратное. Светлые сосновые бревна, ладная крыша, крепкая дверь, рядом костровище с теплящимся костерком и стол с лавками. Чуть в стороне банька небольшая. Как-то здесь очень уютно. Бывает так: придешь к кому-то в дом, и уйти хочется – неуютно, и все тут. А бывает и наоборот. Вроде и нет ничего особенного, но тепло на душе становится. Здесь именно так и было.

Дед Матвей тем временем вышел из зимовья, неся в одной руке закопченный котелок, а в другой большую глубокую чашку, скорее даже тазик, в котором лежали несколько картофеля, луковица и кусок сала.

Я поднялся, подхватил рюкзак и шагнул к нему, с радостью ощущая под босыми ногами мягкую траву. И даже небольшие и каменно твердые сосновые и еловые шишки не заставят меня обуться, хоть и больно на них наступать.

Поставив рюкзак на лавку, достал из него банку тушенки, добрую краюху хлеба, пачку печенья. Дед Матвей только глянул искоса и принялся ловко чистить картошку. Я принялся за лук. Почистил, быстро нашинковал, потом вскрыл банку тушенки...

Вкуснящая похлебка уже доваривалась, когда дед Матвей принялся за расспросы – кто таков, откуда да куда...

Так за разговорами дождались наконец еды. Запах над полянкой витал умопомрачительный, и я уже готов был свои сапоги сжевать. Шел с утра, только чаю попив, а дело уже к полднику, так что...

Сели. Дед Матвей половником разлил наваристую похлебку по глубоким мискам, выставил на стол чашку с малосольными огурчиками и кулек с перцем. Заметив мое удивление, объяснил:

– Давеча в деревне был, так присолил малость.

Я свою порцию прикончил почти моментально, а дед ел вдумчиво, дуя на ложку и подолгу пережевывая. Заметив, что я уже справился с похлебкой, кивнул на котелок – добавки, мол, налей, коли желаешь. Я желал. И вторую порцию ел уже так же, как дед Матвей. На костре тем временем закипел котелок. Дед оторвался от еды, забросил в бурлящую воду травки с чаем да несколько ягод дикой малины. Ух какой аромат поплыл над полянкой! Дед же, доев, выставил на стол банку земляничного варенья. Тут и печенье ко двору пришлось. Давненько я так вкусно не чаевничал!

...Посидели, пошвыркали горячим чаем вприкуску с комарами, коих крутилось вокруг нас великое множество. Потом дед Матвей поднялся, отправившись отмывать посуду. Я сунулся было помочь, но он махнул рукой – сиди, мол. Тогда я взялся за топор – хоть как-то отблагодарить деда за гостеприимство. Топор легкий, ухватистый. Топорище за долгие годы отполировано жесткими ладонями хозяина и ложится в руку как влитое.

Взмах – и расколота чурка разлетается в стороны двумя аккуратными полешками, белеющими расщепленным нутром. Взмах за взмахом. Я вообще люблю дрова колоть. Отключается голова от всех и всяческих мыслей, и если топором работать умеешь, то и усталости не бывает почти. Переколол оставшуюся горку чурок да принялся поленья складывать. Присел на корточки, на стиб руки накидал горку поленьев и понес к поленице, вдоль стены на солнышке пристроившейся под небольшим навесом. Зимой такие дрова хорошо горят, жарко в гудящей печке.

Дед Матвей, на такое мое самоуправство глядя, лишь хмыкнул и отправился растапливать баньку. И вскоре над невысокой железной трубой закурился тонкий синеватый дымок. Я обрадовался. После двух дней прогулок по осенней тайге попариться в баньке – первое дело. А дед Матвей производит впечатление человека, банное дело знающего. Наверняка и веников у него набор, да и травок он запарит нужных. Но до бани еще далеко – пока она жар наберет...

Я подумал, подумал да и отправился в тайгу, грибов поискать да и просто отдышаться. Самая пора сейчас опять заготовливать, так что глядишь и набреду на хороший пень...

Тайга дышит полной грудью, торопясь поймать последние солнечные деньки перед долгим ненастьем. Сосны поскрипывают на легком ветерке, качающем их пушистые кроны, в воздухе летают невесомые паутинки, поблескивая в солнечном свете. Воздух напоен густым пряным запахом хвои и грибов, тонким ароматом увядания и трепетным ожиданием сна. Тихо и спокойно в тайге.

Толстый слой прелой хвои пружинит под ногами, заставляя шагать и шагать. Ружье привычно оттягивает плечо, уши ловят каждый звук – рябчиков в этих местах много, посвист слышен тут и там...

Спустился в небольшой распадок – тут тень и сырость, и пахнет совсем по-другому. Вокруг стоят рябинки вперемешку с осинами и березами, там и тут торчат колючие хмурые елки.

И на склоне, освещаемое мягкими солнечными лучами, лежит мшистое бревнышко, сплошь поросшее опятами.

Ух ты как! Щедра тайга, изобильна. Ну что ж, будем резать.

С опятами управился минут за двадцать, плотно набив заплечный мешок, да и отправился к зимовью. Вокруг постепенно темнело – осенний день недолог.

На подходе к зимовью меня вновь встретил дедов пес. Обнюхал мешок с опятами, качнул кончиком пушистого хвоста колечком и припустил назад. И то ладно.

Дед Матвей строгал что-то, сидя на лавке у стола и отбрасывая стружку в костер. Подошел, поставил мешок с опятами на землю. Дед глянул на мешок, потом на меня:

– Добрый запас. Сушить будешь?

– Это я не знаю, чего вы с грибами делать станете, – я тут же открестился от дальнейшей судьбы собранных опят, – вам в зиму пригодятся поди.

– Гм, – дед пожевал губами, затем отложил нож, поднялся легко. Подхватил мешок, перевернул чуть поодаль, на солнышке, разворошив грибы рукой. Густой запах опят разнесся над поляной.

– Пусть пока обсохнут чуть, на ночь приберу, а завтра на солнышке и дойдут. А пока расскажи-ка мне, какие у тебя на завтра дела?

– Да особенных планов не было. Побродить по тайге, рябчика поискать. Может на озерцо выйти на вечернюю зорьку, утку покараулить.

Дед кивнул:

– Дело доброе. Самый сезон сейчас. Озерко тут есть неподалеку, верно. И утка там садится часто. Давеча хороший табунок крякаша там видел. А скажи-ка мне еще – пули есть у тебя? Или картечь?

– На утку? – не понял я вопроса.

Дед засмеялся раскатисто, утирая слезы рукой:

– Ну ты даешь, охотник. Утку кто же картечью берет? Лучше уж майкой драной загонять, и то толку больше будет...

Отсмеявшись, сказал уже серьезно:

– Медведя тут много, нешто следов не видал?

– Видал, как не видать. Есть и пуля, и картечь. В одном стволе завсегда держу, – я невольно начал говорить в его диковинной манере, сам того не замечая.

Дед вскинулся:

– На предохранитель ставишь хоть?

– Конечно, – я даже возмутился слегка. Но потом язык прикусил – дед Матвей хотя бы в силу возраста меня поучать может. А мое дело на ус мотать да помалкивать.

Дед же, усмехнувшись, продолжил:

– А то был у меня друг, царствие ему небесное. Шибко любил с ружьем побродить. Хорошее у него ружье было, бой точный. Вот только одна беда – предохранитель не работал совсем. Я ему сто раз говорил починить, а он все отнекивался. Как-то по зиме зацепил курком за ветку... или что там у него вышло, не знаю. Да только когда нашли его, была у него нога прострелена и артерия пробита. За пару минут ушел. Так что...

Помолчали. Что говорить? И так ясно все.

А потом была баня. В маленькой парной был устроен всего один полоч, в углу примостилась старая чугунная печь, обложенная окатышами. В маленькое окошко едва-едва пробивался предвечерний свет. Пахло травами, дубом и мылом. На печке стояло ведро с кипятком, в котором отмокал дубовый веник. Париться вдвоем здесь бы не получилось – очень тесно.

Дед предложил пойти мне первому:

– После меня у тебя уши в трубочку свернутся. Очень я жар люблю.

Я в общем тоже жара не чуюсь, но спорить с хозяином не стал. Сказали первым идти – иду.

Попарился от души, нагоняя в уставшее за день тело дубовый дух. Поддавал на камешки, окунаясь в горячий пар, хлестал себя веником, обливался ледяной водой...

Напарившись, выскочил из бани – хорошо! Вечерняя прохлада обняла со всех сторон, остужая и освежая. Дед сидел на лавке, ворошил палкой угли в костре. Рядом стоял котелок, из которого он мне немедля и налил полную кружку горячего, пахнущего смородиной,

чая. Придвинул банку с вареньем, усмехнулся по-доброму, глядя на мое красное лицо, и ушел париться сам...

А я остался пить чай. Стемнело, и комары принялись за меня с новой силой. Но меня комарами не напугать, я стойкий. Вызвездило, обещая завтра ясный день Из тайги доносились тихие шорохи, над головой проносились летучие мыши, мелькая стремительными силуэтами. Кобелек свернулся калачиком у костра и сонно глядел в огонь.

Дед Матвей появился из бани не скоро, покрасневшийся и довольный. Подсел к столу, принял от меня кружку с чаем, сделал глоток, блаженно выдохнув. Посмотрел на меня внимательно:

– Деня, а давай завтра вместе на утку ходим. На утреннюю. А потом я в обход, а ты гуляй себе.

– В какой такой обход? – удивился я.

Дед хлопнул меня по плечу:

– Егерь я местный. Ты не усек что ль?

Я почесал в затылке:

– Да где ж я усеку, если ты без формы. Я как пришел, ты все время в исподнем, – я хмыкнул.

Дед хмыкнул в ответ, сказал:

– Так ить вижу, что человек ты нормальный. Чего ж перед тобой регалиями козырять?

А то хочешь давай со мной в обход?

Я покачал головой отрицательно:

– Не, дед Матвей, не пойду. Я лучше тут погуляю где-нибудь. Или помощь нужна?

– Да не, какая помощь, – дед махнул рукой, – пойдем спать лучше. Подъем-то ранний.

В зимовье было темно хоть глаз коли. Свои вещи я пристроил в углу, достав только спальник. Бросил его на нары, раскатал и завалился, вытянувшись блаженно. Сон пришел незаметно. Вот только слышал ровное сопение деда, и уже... утро.

...До озера шли около часа. Оно открылось передо мной внезапно, и я уже не смог оторвать взгляда от водной глади с отражавшимся в нем рассветным солнцем.

Над водой с посвистом крыльев пронесся табунок уток и с плеском упал на воду, пуская широкие круги по воде и призывно крикая. Дед Матвей ушел от меня метров на двести по берегу, выбирая позицию поприглядистей. Я двинулся в другую сторону, косясь изредка на воду. Нашел место, устроился. От воды тянет сырой прохладой и тиной, стоит оглушительная тишина. Только утки крикают и плещутся, ныряя иногда. Я не спешу стрелять, хочу насмотреться сначала. Очень люблю этот момент до первого выстрела, когда ты еще не разрушил эту тишину.

Вот солнце поднялось чуть выше, и дед Матвей выстрелил, накрыв пару уток густой осыпью дрови. Одна из них забила на воде, а вторая просто распластала крылья. табунок с шумом поднялся с воды и устремился прямо на меня. Я вскинул ружье...

– Б-бах! Б-бах!

Приклад тяжело боднул в плечо, сизый дымок пороховой гари потянулся над водой. Упала одна утка, недалеко от меня, в прибрежную траву.

Переломил стволы, гильзы выскочили на траву – позже подберу. Зарядился, уселся. В воздухе вкусно пахнет порохом – началась охота...

За пару часов подбили с десяток уток – больше и не нужно. Часть съедим сразу, часть закоптим. Ну а завтра еще поохотимся, если нужда возникнет или желание.

Дед Матвей сказал, протягивая мне уток:

– На-ка, унеси в зимовье. мне с собой таскать не с руки.

Я принял от него уток да и пошел к зимовью неспешно. Занялся чудесный день, теплый и ясный, и идти по тайге было большим удовольствием.

На месте выпотрошил уток, напихал им внутрь наломанных тут же можжевельных веток – так они три дня могут пролежать. Но мне столько не нужно, вечером будем коптить.

Выпил чаю и пошел в тайгу. Бродил до вечера, слушая рябчиков и выглядывая тетеревов. Однако наткнулся на глухаря. Огромный черный петух стоял на тропе, поглядывая по сторонам. Я припал на колено, вскинув ружье и лоя его на мушку – оптики не было. Расстояние – метров сорок, в одном стволе пуля, во втором – двойка, самое то. А глухарь стоит, не шевелится даже, как на выставке. Даже стрелять жалко, очень уж красив.

Задумался даже – стрелять или нет? Утки набили, с голоду не пухнем... Но, с другой стороны, такой трофей...

Буду стрелять. Второй глухарь в жизни будет, если возьму. Задержал дыхание и плавно потянул спуск. Бахнул выстрел, отдачи даже не ощутил. Глухарь упал на землю, забился шумно. Я рванул к нему бегом. Пока бежал, птица затихла. Подошел, не веря себе – неужели и правда добыл? Протянул руку, взял его за шею, поднял... Увесистый! никак не меньше десяти кило. Вот это трофей! Можно и возвращаться...

Вернувшись на зимовье, я застал деда Матвея. Он как-то по-особенному суетился, быстро и очень экономно двигаясь. Рядом с зимовьем стоял старенький «Урал» с люлькой.

– Что стряслось?

Он не ответил сначала. Я не стал мешать, выпотрошил и глухаря, набил можжевельником, забросил в лабаз, к уткам. Дед Матвей наконец обратил на меня внимание:

– Тут недалече рыбаки на озере стояли. Медведь их подрал и ушел. Они его подранили, надо добрать. Иначе добра не будет. Идешь со мной?

– Конечно, – я не думал ни секунды.

Сборы заняли совсем немного времени. Я прихватил все наличные пули и картечь, забросил рюкзак в люльку. Туда же запрыгнул пес, а я устроился за спиной у егеря. Мотоцикл рванул с места, с небольшим креном входя в повороты – спешили мы очень. До рыбацкого стана добрались минут за 40. Там уже никого не было – пострадавших отправили в деревню и оттуда в город, в больницу. На месте осталась изорванная палатка, вся заляпанная кровью, да чей-то сапог.

Дед Матвей соскочил с мотоцикла и закружил по полянке, высматривая следы., кобелек крутился рядом. Нашел, определил направление, куда скрылся медведь. Запрыгнул на мотоцикл и покатил следом за собакой, уверенно взявшей след. Лавировали между сосен, но было понятно, что скоро мотоцикл придется бросить. Раненый медведь стремится укрыться, забравшись в глухую крепь...

Так и вышло. Спешили. Кобель ждал, нетерпеливо потягивая. Пошли за ним. Тут и там на кустах виднелись кровавые потеки – сильно кровит. Должен силу терять, хотя медведь на рану крепкий... Посмотрим.

Шли по следу около двух часов, пока не уперлись в глубокий балок, заросший черемухой и осиновым молодняком вперемешку с невысокими елками. Здесь, точно здесь. Пес лает неистово, но внутрь не идет – страшно ему. Мы с дедом Матвеем подошли ближе, принялись осматривать местность. Я бегом обежал балок, ища место выхода. Не нашел, не вышел медведь. Затих, не шумит даже. Вот и думай, чего с ним там? То ли ранение все же серьезное и он обессилел. То ли затаился и ждет момента для атаки. Не-е-ет, вниз нельзя точно. Но и ждать его здесь тоже никак. Пошел к егерю. тот стоял, прислушиваясь чутко. Услышав меня, сделал мне страшные глаза – никшни! А мне чего? Я стою, не дышу даже вроде бы. Наконец дед сказал мне шепотом:

– Здесь он, выжидает. Не сильно ранен, кровь светлая везде. Но потерял много.

Я слушал напряженно, палец на курке, в обоих стволах давно по пуле заряжено. Дед же продолжил:

– Он злой сейчас, так что будем выманивать.

С этими словами он подобрал с земли здоровенный сук и с силой бросил его в самую гущу осинника. Недалеко сук пролетел, завяз в ветках. Но медведь рывкнул негромко, но так, что у меня чуть колени не ослабли. Ох и силища в нем...

Дед же подобрал еще один сук и бросил его чуть дальше. Медведь взревел еще громче, но не дернулся в нашу сторону. Дед газами показал мне – теперь ты. А сам взял карабин на изготовку, отступив на пару шагов назад.

Я с громким треском сломал о колено подобранную ветку и забросил ее в кусты. Одну, потом вторую. И тут зверь не выдержал. С диким ревом он рванулся к нам, с треском ломая подлесок. Я отскочил, вскидывая ружье и готовясь выстрелить в любой миг. Пес с лаем отскочил в сторону, но медведь так и не вышел из зарослей.

Тааак, это уже становится интересным. И долго нам тут палками в него кидать?

Дед, видимо, думал так же. Он положил ладонь псу на загривок и сказал негромко:

– Ату!

Пес стрелой сорвался с места и исчез в зарослях. Я-то думал, он боится, а он просто без команды ничего не делает. Да и дед своим другом рисковать не хотел. Вот так.

Из зарослей донесся бешеный, остервенелый лай, рев медведя, а потом пес выскочил к нам и рванул в сторону. Снова нырнул в заросли уже с другой стороны... короткая пауза и вновь лай и рев, а потом я уловил движение в подлеске... миг и медведь перед нами. Огромный!

Пасть угрожающе распахнута, отчетливо видны желтые верхковые клыки и синеватый язык. Волна звериного запаха шибанула в нос, слышу его тяжелое дыхание и клокочущий в груди рев.

Увидел нас, остановился на миг – кобель висел на его ляжке, но медведь как будто не обращал на него внимания. Он смотрел на нас, прямо на меня, и такой жутью на меня повеяло, что я чуть не выстрелил.

Медведь опомнился и притопнул передними лапами, слегка приподнявшись на задних, а затем заревел, широко распахнув пасть. И тут дед Матвей выстрелил.

Я видел, куда вошла пуля – прямо в распахнутую пасть, выбив из затылка кровавый фонтанчик. Медведь рухнул, как подкошенный. Кобель продолжал терзать его ногу.

Я шагнул было к нему, но егерь поднял руку, останавливая меня. Я спросил одними губами:

– Что?

Дед сказал вполголоса:

– Уши торчком. Живой он. Дострелить надо бы.

Я кивнул – понял мол, снова вскинул ружье, прицелился и выстрелил медведю за ухо – он лежал ко мне левым боком.

Зверь содрогнулся весь от удара пули и вытянулся. Попадание пули 12 калибра с расстояния в пару метров гарантировало результат.

Егерь кивнул удовлетворенно, шагнул к медведю, присел на корточки. голова зверя была размером почти с сидящего на корточках деда, как мне показалось тогда. Ох и здоров. Шкура его лоснилась – нагулял за лето жирок, приготовился к зимовке. И что его понесло к рыбакам? Наверняка те не сжигали отходы, а просто прикапывали их рядом с лагерем, и зверь пришел на запах. Всегда так бывает в медвежистых местах. Медведь – хозяин в тайге, и по-хозяйски пришел проверить, чем это таким вкусненьким тут пахнет. И наткнулся на людей, спящих и беззащитных. Дальше все известно.

Мы ворочали медведя, пытаясь найти ранение, которое ему сумели нанести рыбаки. Нашли. Кто-то из них всадил дробовой заряд медведю в шею, под самым подбородком, ничего особенно не разрушив, но больно зверю было.

Распотрошив медведя и отрубив передние лапы, мы отправились в обратный путь. Каждая лапа с огромными, сантиметров по пятнадцать, когтями, заняла по рюкзаку. Здоров был, жалко даже.

Словно услышав мои мысли, дед сказал:

– И чего его вынесло на дураков этих? Гулял бы себе, жирок нагуливал. Спать бы лег, а весной детишек наделал бы. Эх... вся пакость в тайге от человека, точно тебе говорю...

До зимовья добрались в молчании. Там я быстро ощипал пару жирных крякашей и сообразил шулюм.

Поели тоже в молчании. Настроение у деда было аховое. Медведя ему было очень жалко. Не меньше, чем рыбаков этих непутевых.

Уже перед сном, когда пили чай, дед Матвей сказал, глядя в огонь:

– Всегда нужно помнить, кто в тайге настоящий хозяин. И вести себя подобающе...

Наутро я уехал, прихватив трофейного глухаря и пару уток. Дед Матвей провожать меня не стал – с утра он умчался в деревню. Пусть мужики приедут и медведя заберут. А шкуру ему отдадут потом... Но перед уходом не забыл затеплить костерок и подвесить над огнем котелки с шулюмом и чаем.

Я позавтракал, вспоминая его добрым словом. Очень он по-хозяйски все делает, душевно и гостеприимно. И обо мне позаботился. Так что я выложил из рюкзака тушенку, сахар с солью и другой припас, оставил в зимовье – деду Матвею пригодится.

Шел по тайге к лесовозной дороге и думал о том, кто все же хозяин в тайге?...

Борзый

Раннее – раннее утро, почти ночь. Густой белый туман висит над рекой, прячется в дремучей тайге по берегам и холодит кожу. Крупные звезды уже почти не видны. Скоро рассвет. Август в том году выдался на редкость контрастным: днем жара, ночью же зябко.

Пахнет остывшей за ночь травой, тайгой и грибами. Я сижу у костра и пью чаек со смородиновым листом. Благо смородины в этих местах богато... Я жду. Скоро солнце покажется над горизонтом, разгонит густой таёжный сумрак и растопит туман.

Я приехал сюда вчера под вечер, наслушавшись рассказов о местных рыбных богатствах. Взял и поплавочки, и спиннинги – разведывать, так по полной программе!

Начать решил с поплавок. Рогульки под удочки я вырезал и установил еще с вечера, облюбовав уютное местечко под раскидистым тальником. Черви накопаны, манка замешана... пора.

Быстро наживил и забросил обе удочки. Поплавки еле видны в неверном утреннем свете, туман чуть приподнялся над водой... тихо. Только комары пищат звонко и где-то в тайге за спиной что-то похрустывает. Ожидание первой поклевки всегда особенное, а уж на новом месте... В голове невольно крутятся мысли о рассказах друзей про эту речку: и окуни со щуками, и вездесущие караси с плотвой, и даже лини и пескарь встречаются в этой речке.

Речка неширокая, метра 4. Берега густо заросли тальником и черемухой, а дальше – глухая тайга. Течение местами почти неощутимое, есть омутки и небольшие перекаты. Очень интересная речка. Там, где я раскидал снасти, глубина около 2,5 метров, а под тем берегом течение.

Зеркальная гладь воды отражает в себе небо и склонившиеся над водой кусты. Поплавки застыли недвижимо... и вдруг правый поплавок качнулся. Сердце сбилось с ритма и начало разбег. Рука помимо воли метнулась к удочке... Поплавок завалился на бок и стремительно пошел в сторону! Подсечка, рывок, недолгое сопротивление и золотой карась заворочался в траве, тяжело шлепая хвостом. Отлично. Удочка заброшена, и ожидание новой поклевки, еще более жгучее) Я настолько увлекся рыбалкой, что не сразу услышал странные звуки за спиной. Повернувшись, я обомлел.

Здоровенный рыжий котиче самым наглым образом поедал моего карася, придавив его лапами к земле и прижав уши. Откуда он тут взялся? До ближайшей деревни километров 5! Увидев, что я его заметил, котиче и не подумал убежать. Он злобно на меня ощерился, сверкнув глазами и напружинившись, как для броска. Ах негодяй! Ну поделом, надо рыбу в садок убирать. Я протянул к нему руку, будто бы собираясь забрать рыбу. Ух как сверкнули глазищи! Желтые с огромными зрачками, усы встопорщены, уши прижаты к голове. Котяра отмахнулся от меня лапой с растопыренными когтями и утробно зарычал... Поняв, что я на его (уже его) добычу всерьез не посягаю, рыжий продолжил смачно хрустеть карасиной головой. Я решил ему не мешать и вернулся к рыбалке...

Поймав еще с пяток карасей, решил разведать хищника. Собрал снасти и пошел за спиннингом. А котяра тем временем доел карася и устроился... в моей палатке на спальнике. Ну дружок, это уже наглость. Я выгнал его из палатки (котяра недовольно фыркнул и царственно удалился, нервно подергивая кончиком хвоста), застегнул ее (как и пролез, ведь сетка была застегнута) и отправился выше по течению. Котяра остался в лагере, завалившись прямо на траву у костра.

Я нашел прогал в плотной стене кустов, осмотрелся. Хорошее местечко. Омуток метров 6 в диаметре, по краям зарос кувшинкой. Кусты над самой водой, конечно, не способствуют забросам, но на таежных речках всегда так). Поэтому и спиннинг взял короткий, 2200 всего с тестом 5—15. Первый заброс вдоль берега. На поводке – любимая вертушка. первая проводка. Тишина. Заброс, проводка... исхлестав омуток во всех направлениях, решил сменить

наживку и поставил поппер. Заброс. Поппер рывками пошел по поверхности, с бульком разбрызгивая воду. Есть выход! Окунь метнулся к попперу, удар, рывок и окунь на берегу. Темно-голубой, с яркими контрастными полосами и оранжевыми плавниками и хвостом, он встопорщил спиной плавник и прыгал на траве. С почином! Новый заброс и снова окунь.

Я пошел дальше – хотелось и щуку найти. Следующее удобное для подхода к воде место я нашел метров через 300. Здесь – другая картина. Ширина реки метра 4, трава полощется на течении вдоль берега, в середине видно порядочную глубину. Снова цепляю вертушку и на третьей проводке под самым берегом удар! Фрикцион завизжал, сматывая шнур. Я подтянул его, вынуждая рыбу притормозить. Да, неудобно здесь бороться – ветки нависают над водой, очень ограничивая свободу маневра. Но куда деваться? Началась возня. Щука металась в разные стороны, делала свечки и трясла головой, пытаюсь выплюнуть блесну. А я не давал ей запутать шнур и постепенно выматывал. Щука попалась большая, не меньше 8 кило на глаз. Ну за 10 минут я ее уговорил все же. Багорика и подсачека при себе нет, берег обрывистый и скользкий. Та еще задачка. Я подтянул уже почти не бьющуюся щуку к самому берегу. Она смотрела на меня своим черным глазом и ждала момента. Но я ученый и щучий нрав знаю хорошо. Изогнувшись невозможным образом, я схватил щуку сразу за головой. Она забилась и чуть не сбросила меня в воду! Вот это экземпляр! Наконец щука на берегу. Оба дышим как загнанные лошади, а в груди у меня пожаром разгорается счастье. Вот она, большущая щука из маленькой таежной речки, лежит на берегу и хлопает хвостом по земле, собирая на себя мелкий лесной мусор. Отдышавшись, я пошел к палатке. Разведка состоялась.

По пути я думал, как там мой котик? Наглая рыжая морда с несносным характером.

Рыжий был на месте. Встретил он меня широким зевком во всю свою немаленькую пасть с внушительным набором зубов. Встал, потянулся и пошел обнюхивать мою добычу. В глазах его явно читалось, что щука точно принадлежит ему. Ну нет, это моя добыча. Я опустил всю рыбу в садок к карасям. Котяра с явным сожалением во взоре проводил щучий хвост, скрывшийся в садке. Потом посмотрел на меня. Посмотрел как на предателя. Я усомнился и достал ему одного окунька. Рыжий с достоинством подошел к угощению, обнюхал, аккуратно взял в зубы и понес к костру. Это ж надо. Он тут уже обжился, я смотрю. Ну-ну...

Чуть позже, оживив костерок, я принялся кашеварить. Почистил пару карасей и зажарил их. Запек картошки, заварил чай. Как же вкусно все это на природе. Самая немудрящая еда вызывает просто вкусовой взрыв! Котяра все это время внимательно за мной следил, лениво развалившись на бревнышке у костра. Пообедали, попили чаю. Кот не пил, конечно, но компанию составил.

После обеда я прилег немного отдохнуть, и размышления мои крутились вокруг наглого пришельца. Неужели в лесу живет этот рыжий красавец? Большой, на высоких ногах, уши порваны в драках, но чистый. Темные полосы выделялись на ярко-рыжей шерсти, делаая его похожим на тигра. Морда... наглая у него морда. Взгляд надменный и очень умный. Такой голодным точно не останется. Или бурундука какого поймает, или у рыбака рыбу отожмет. Так за размышлениями я незаметно уснул. Великое удовольствие так вот днем подремать в тенишке. Легкий ветерок качает листву, гоняя тени по лицу и освежая, жужжат насекомые, тренькает кузнечик, птички поют... а запахи какие вокруг! Благодарь...

Проснулся я, просто открыв глаза. Котяра спал у меня под боком, уютно свернувшись калачиком. Я шевельнулся, и он открыл глаза, глядя на меня недоуменно. Потянулся, встал и вышел из палатки. Вот наглец, хоть бы спасибо сказал. Вечерело. Солнце уже не жарило так яростно, в воздухе разлилось такое ласковое предвечернее тепло. И мы пошли на рыбалку. Котяра (про себя я решил дать ему имя «Борзый») вышагивал передо мной, задрав хвост трубой и встопорщив усы. Ни дать ни взять ведет своего человека на прогулку. Зорьку я решил посвятить поплавку. Пара карасей не утолили моего любопытства, я хотел линия. Борзый, судя по всему, был не против. На обе удочки я насадил червей, отставив манку до времени в сто-

ронку. Поплавки закачались на воде. Борзый зачарованно смотрел на них, не мигая. Неужто понимает, что к чему? И вот поплавок запрыгал. Котяра вскочил, заметался вдоль берега, поглядывая на меня и громко басовито урча. Ого! Точно рыбачок! Я подсек и выволок на берег тяжело ворочающегося карася. Котяра метнулся к нему, обнюхал и отошел в сторону. Хм. Ну да, это ж не линь. Так мы и рыбачили. Линя так и не поймали. Увидев, что я собираю снасти, кот молча ушел к палатке, предоставив мне самому тащить все снасти. Но я не в обиде – линия ведь не поймал...

Я прожил в этом месте еще пару дней. И все это время меня преследовала мысль о Борзом. Я уже просто не мог его бросить одного на берегу. За эти три дня он ни разу не позволил себя погладить, он вымогал у меня рыбу и теснил меня в палатке. Но я к нему привязался. Кот по своему обыкновению все решил сам. Он просто ушел. Я проснулся утром и не нашел его. Искать не стал...

Эта история случилась лет 10 назад. И все эти 10 лет я приезжал на рыбалку в это место, один или с друзьями, летом и зимой. И каждый раз Борзый молча появлялся у костра и отжимал у нас рыбу. Проводил с нами пару дней и снова удалялся. Зимой он становился нереально пушистым, прыгал по сугробам и грелся с нами у костра. И никогда никому не позволял себя погладить или тем более взять на руки.

Этой зимой он не пришел...

Дождь

Серое, затканное тучами небо.... Какой-то тягучий день.... Капли дождя очень неспешно падают на землю. Дождь никогда не спешит. У него не бывает иных дел, кроме как напоить землю и дать ей новые силы... А еще дать нам погрузиться... или помечтать о чем-то.

Кто-то любит плакать вместе с небом, а кто-то выскакивает на улицу и пляшет в лужах босиком, с хохотом выбивая пятками брызги, шлепая босыми ступнями по мокрой траве и счастливо сверкая глазами из-под мокрых, слипшихся волос...

Кто-то замороженно смотрит в окно, растворяясь в льющихся с неба потоках, не слыша ничего вокруг... Пусть....

Кто-то ждет, что вот-вот выглянет солнце. И оно выглядывает... и тогда дождик слепнет... капли его искрятся, разбиваясь об асфальт и шлепая мокро по листьям тополей, обещая скорые грибы и густую жару сразу после....

Или не выглядывает... и тогда небо хмурится грозно, сдвигая тучи и высекая искры... Тяжелые раскаты грома перекатываются гулко, молнии хлещут небо.... Все вокруг замирает в ожидании неминуемого... Наохлившиеся птицы прячутся от дождя, пережидая небесную беспутицу...

Лето...

А кому-то в дождь хочется не думать ни о чем.... Устремиться в небо легкокрылой птицей... взмыть над облаками... увидеть солнце... вспомнить о том, что жизнь – она разная. Увидеть, как солнце играет в каплях дождя на траве... как звенят ручьи и счастливы птицы, парящие над тучами....

Рухнуть вниз и обнять своих близких... прижать их к груди одной охапкой... притиснуть... целовать в теплые макушки... и не отпускать от себя... а дождь... дождь пусть капает все так же неспешно....

А потом сесть тесным кружком... налить горячего чаю... вытянуть руки к огню... и говорить, вспоминать, делиться.... Вспоминать счастье, делиться радостью, говорить о любви друг к другу...

Мы редко говорим о ценностях... все больше о ценах. А ведь главная ценность – она совсем в другом... И цена ей – мы сами...

А потом поднять глаза к небу и увидеть... радугу

И вспомнить о том, что один серый дождливый день – это просто время подумать...

СВЯЗНОЙ

...Стылое декабрьское утро. В морозном мареве тянется к небу тонкой струйкой сизый дымок от полевой кухни. Наконец-то подвезли снабжение. Мы уже три дня едим и не можем доесть убитую взрывом лошадь. Обозники тоже попали под артобстрел, кухню разнесло в мелкое крошево прямым попаданием. Повара, Ваню Михно, убило как-то странно. Просто умер. Ни ран на теле, ни синяков. Просто упал и перестал быть. Потом уже, когда на руки подняли, ощутили, что все его тело в студень превратилось, совсем без костей. Близким взрывом, видать, все внутри разорвало.

А какой парень был... Балагур и весельчак, для своих всегда старался побольше да повкуснее урвать на полковой кухне. Все оживлялись, когда на позиции показывалась его мохноногая лошаденка, тянущая за собой кухню на скрипучих колесах. А он все ругал ее: «Куда прешь, окаянная! Расплещешь же все! Ууууу, злыдня!», и замахивался полотенцем. Ни разу не ударил. Мужики выстраивались в оживленную очередь, тиская в заскорузлых от пороховой гари пальцах мятые алюминиевые котелки и кружки под горячий чай. Кто бывал в окопах, тот знает, какая это ценность – горячий чай. Сжимаешь парящую кружку через рукава, глотаешь, обжигаясь, крепко заваренный чаек, и оттаиваешь душой как будто. Ваня всегда варил крепкий чай и добывал к нему кусковой сахар. Мужики его за это крепко уважали. Нету Вани...

Новый кухарь, Петро, грубоватый мосластый мужик, широченный как дверь в сарае, такой здоровый, что сам бы мог кухню таскать по позициям. Нелюдимый, почти не разговаривает. Смотрит только из-под косматых бровей и молчит. Был он до этого в минометном расчете, там таких любят. Один на себе станину таскал, а ты попробуй подними ее, трехпудовую. А он таскал. После контузии хотели его комиссовать, но он шибко на фронт просился. Сын у него здесь воюет, вот и пожалели мужика, взяли на кухню. Мда... Все перемешала война, сорвала с места целые народы, заварила в одном большом котле. Гибнут люди, и это уже привычно. Не страшно. Поначалу страшно было, а сейчас... прогорело все. Одна злоба осталась. И боль.

Я вышел из блиндажа, прислушался к далеким ухающим разрывам. Молотят наши по фашистам, артподготовка идет вовсю. Скоро опять с места сниматься. Ох и надоело. Идем и идем. Но все же вперед идем, не бежим. И будем идти, зубами будем рвать немца. За Ваню того же.

Весь ноябрь шли по распутице. Грязь, грязь, грязь... Так много грязи, что, казалось, кроме нее и нет ничего вокруг. Сапоги вязнут в липкой грязи, расквашенной тысячами ног, колесами машин и подвод, гусеницами танков и самоходок. То и дело упираешься плечом в завязшую подводу, помогая немощной измотанной лошаденке тянуть зенитку. С надсадным матюгом выталкиваешь ее из лужи, оскальзываясь и едва не падая... Когда же уже подморозит? Но в этот год ноябрь под Невелем стоит теплый, и воевать тяжело. Ничего, мы сдюжим. Фрицу ведь тоже тяжело, а значит, побьем мы его.

Дошли мы до Пустошки, и шли бы дальше, но немец перебросил подкрепления и уперся. Вот и воюем на месте, того и гляди окружают нас, тогда туго придется. Но вот сейчас стою у блиндажа, слушаю далекое уханье разрывов – наши. Гонят немца, отсекают от нас, давая нашей армии проход. Так что скоро сниматься с места и гнать врага дальше.

Артобстрел наши ведут у городка под названием Городок. Там немцы сосредоточили свои силы и укрепились в обороне. Но и мы не лыком шиты, выбьем. Как пить дать, выбьем.

Сзади кто-то надсадно закашлялся. Обернулся. Никифор Богданов, невысокий, коренастый, с простоватым лицом и хитрющими глазами. Вышел, затащил самокрутку. Ох и ядреная махорка, даже мне закашляться захотелось. А он глянул на меня хитро, как обычно, спросил:

- Как думаешь, ночевать здесь будем или погонят опять нас куда?
- Думаю, погонят скоро. Слышь, как грохочут наши? Бьют немца.

И только я замолчал, как по траншее пронеслось: «Снимаемся... Приготовиться к выходу...».

Ну вот, как я и думал. Никифор сплюнул под ноги, выругался и пошел к расчету. Нужно было миномет собирать в дорогу. Я же рванул в блиндаж, мужикам сообщить. В тесном прокуренном сыроватом блиндаже было темно. Связной сидел на рации, слушал эфир. Здесь уже знают – мужики без спешки поднялись с мест, принялись навздевываться. Я подхватил свою мосинку, нахлобучил шапку, закинул на плечо вещмешок, выскочил наружу. А там уже суета вовсю. Петро молча сворачивал только приготовленное было к раздаче кухонное хозяйство. Не пообедать нам опять...

Армия собралась быстро – не впервой уже. Все вокруг работало, как единый механизм. Идем в ночь. Середина декабря, Новый год скоро. Третий уже Новый год на войне. Где встречу? Да и встречу ли? Клятая война. Дома жена с ребятишками, а я тут. Хорошо хоть к ним война не пришла. И не придет уже, не пустим. В Сибири они, в далекой тайге. Там зима вовсю, морозы трескучие. А здесь вон туман сегодня, а ведь 13 декабря на дворе. Из-за тумана авиация не смогла нормально отработать, говорят. Прижали наших там. Минометами, танками и пулеметами прижали к земле пехоту, танки тоже на месте остались, огрызаются пока. Больше 20 минометных и артиллерийских батарей давят огнем. Будем помогать, у нас вон минометчики какие лихие.

Бегом, бегом, снова по грязи. Но подморозило все же немного, нет той каши на дорогах. Глаза в землю, идем. Размеренно, ходко, привычно. Прямо передо мной широкая спина минометчика Гриши Савченко. Крупный, с гулким голосом и большими руками, он укладывал мины точно по реперам, накрывая врага смертельным дождем. Сейчас он шел, переговариваясь негромко с соседом, длинным и нескладным бойцом по фамилии Ерошкин. Никто из нас, похоже. Не знал его имени. Так и звали – Ерошкин. Эта фамилия как-то удивительно подходила к его нескладной фигуре, к его суетливой манере говорить, и совсем не сочеталась с его педантичностью. Он всегда доводил начатое до конца. Не было случая, чтобы он бросил что-то на полпути. И еще он был очень мастеровитым. Умел чинить все – от патефона до танковой ходовки. За это его всегда снабжали куревом и спиртом, и у него можно было разжиться табачком в любую трудную минуту.

Идем. Задача – дойти до нового места, занять позиции, начать артподготовку.

Впереди армии идут связные. Они тянут кабели связи от штаба до позиции, идут сразу после разведки, то есть после нас. Я в батарее остался, а наши ушли еще вчера в ночь, разведать позиции врага и нашу будущую стоянку.

Нет связи – нет победы. Эта взаимосвязь прослеживается очень четко.

Разведка приносит информацию в штаб, из штаба она уходит командованию армии. От командования армий разведанные ручейками стекаются в Ставку. В Ставке генералы видят всю картину фронта, продумывают стратегию и сообщают ее в штабы армий, а оттуда приказы разлетаются по позициям. Все это работает только в одном случае – если есть связь. Надежная и быстрая. И если разведка со связью дружит. У нас за связь отвечает Игнат Боровков, сержант, командир отделения связи нашей батареи. Невысокий, широкоплечий, с широким скуластым лицом, он был резким, жестким. Подчиненных гонял нещадно, но и сам шел в огонь не сомневаясь. Связь держал, а большего и не нужно.

Я часто видел его, серого от усталости, грязного, валящегося с ног. Дотянув связь, он возвращался на позицию и падал в уголке, накрывшись шинелью. Спал сколько получалось и снова шел в ночь, тянуть связь. Ох и служба у связистов. Кто страдает в снег и в грязь? Наша доблестная связь.

Вот и сейчас он умчался вперед, волоча на спине бухту с отматывающимся тонким черным кабелем, а следом уже топала вся армия. Звуки разрывов мин, их протяжный вой становились все ближе. Но не настолько, чтобы начать волноваться. Идем....

...Разогнулся. Сплюнул вязкую слюну, хрустнул затекшей спиной. Траншея в полный профиль это вам не шутки. Бесчисленное количество километров траншей мы накопили за войну, прямо-таки бесконечное. Но без них никуда. С той стороны летят мины и бьет артиллерия, шьют пулеметы. Не укроешься – полетит твоей семье похоронка. Так что копаем, привычно матерясь сквозь зубы. Так вроде бы легче получается копать, да и воевать тоже легче. Помянешь фашиста по матушке, и на душе легчает...

От полевой кухни тянет съестным духом, да таким вкусным, что мочи нет терпеть. Кто-то крикнул:

– Петро! Ты чего там такое неожиданное сварганил, что мы всем отделением на слюну изошли?

Петро только хмыкнул и отвечать не стал. Он подогнал кухню прямо нам за спину, и сейчас всю ее кочегарил, разогревая что-то невероятное. А по траншее меж тем понеслись догадки:

– Борщ, с пампушками – мечтательно протянул хохол Стась Гриценко, весь какой-то кругленький и ладный.

– Все бы тебе пампушек, да с салом, – поддел его Сашка Орлов, номер миномета.

– А чего бы и нет? – так же мечтательно сказал нараспев Гриценко, – пампушки они ведь знаешь какие...

– Каша там. С тушенкой – сказал как отрезал Савченко.

– Э нет, братец, шалишь. Там картоха со свининкой, я носом чую – это уже я ввязался в любимый спор всех солдат.

– На что спорим? Давай на кисет? – вступил в разговор неутомимый спорщик Ваня Кузнецов, наш химинструктор.

– Так я ж не курю, дурья твоя голова. Давай лучше на твою порцию?

Спор на этом прервался – Петро громко забрякал половником по чашке, призывая всех бросить дела и выстроиться за пайком. И мы не стали противиться – голод скручивал животы в тугий узел. Получив свою порцию (оказалась каша с тушенкой), я уселся на ящик со снарядами, достал из сапога ложку, вытер о шинель и принялся за еду. В этот раз нам и хлеб достался, так что пообедать удалось сытно. Запив все это кружкой горячего сладкого чая, я быстро прополоскал котелок и снова взялся за траншею. Копать и копать еще...

И только я взялся за лопатку, как меня окликнули:

– Иван!

Я сплюнул, повернулся к говорившему. Гриша Севостьянов, разведчик-наблюдатель. Небольшой, юркий, с неприметной внешностью и настоящим орлиным глазом. Он без бинокля видел такое, что мы всей батареей не могли углядеть.

– Чего тебе?

– Посмотри, я что-то не разберу, кажется мне или не кажется?

Он указывал рукой в ту сторону, где находились позиции врага. Я повернулся, всматриваясь и пытаюсь угадать, что же такое он заметил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.